

му же всегда следует даровать пощаду тем, кто просит о пощаде, ибо рыцарь, не ведающий милосердия, – недостойный рыцарь.

А сэр Гавейн так был потрясен смертью этой прекрасной дамы, что себя не помнил. Он сказал рыцарю:

– Вставай, я дарую тебе пощаду.

– О нет! – отвечал рыцарь, – мне не надобно теперь от тебя пощады, ибо ты подло убил мою возлюбленную и мою даму, которую я любил больше всего на свете.

– Я горько сожалею об этом, – сказал сэр Гавейн, – ведь удар мой предназначался тебе. Но теперь надлежит тебе отправиться к королю Артуру и поведать ему обо всем, что приключилось с тобою и как тебя одолел в поединке рыцарь, отряженный за белым оленем.

– Мне все равно, жить или умереть, – отвечал рыцарь.

Но наконец, под страхом смерти, он поклялся отправиться к королю Артуру, и сэр Гавейн велел ему одну убитую собаку положить на седло перед собою, другую же – сзади.

– Но прежде чем нам расстаться, назовите ваше имя, – сказал сэр Гавейн.

– Мое имя, – отвечал рыцарь, – Бламур Маризский.

И он поскакал в Камелот.

8

А сэр Гавейн вошел в покои замка и устроился там на ночь и хотел было снять с себя доспехи.

– Что задумали вы сделать? – сказал Гахерис.

– Неужели вы снимете здесь свои доспехи? Помните, что у вас в этом краю много врагов.

Едва только произнес он эти слова, как явились туда четверо рыцарей, вооруженные и в доспехах, и напали на сэра Гавейна со всей силою, говоря ему:

– О ты, новопроизведенный рыцарь, ты обесславил свое рыцарское звание, ибо рыцарь без милосердия – это рыцарь без чести. К тому же, на позор себе, отныне и до скончания века, ты убил прекрасную даму и потому не сомневайся: тебе самому еще будет великая нужда в милосердии, прежде чем ты расстанешься с нами.

И с тем один из них нанес сэру Гавейну сильный удар, и он едва устоял на ногах. В ответ поразил того жестоко Гахерис.

То с одной стороны, то с другой нападали на них, так что жизнь сэра Гавейна и Гахериса была опасна. А один, бывший там с луком, лучник, поразил стрелой сэра Гавейна в руку, чем причинил ему нестерпимую боль.

Но когда гибель их уже казалась неминуемой, явились туда четыре прекрасные дамы и стали просить у рыцарей пощады сэру Гавейну. И по просьбе дам они благородно даровали жизнь сэру Гавейну и Гахерису и взяли их пленниками. Горько сокрушались сэр Гавейн и Гахерис.

– Увы, – говорил сэр Гавейн, – рука моя причиняет мне нестерпимую боль, боюсь, как бы не остаться мне калекою.

Так, прежалостно, возносил он свои пени.

А рано поутру пришла к сэру Гавейну одна из тех четырех дам, слышавшая его жалобы, и сказала ему:

– Сэр рыцарь, как поживаете?

– Худо.

– Отчего так? Ведь это все ваша вина, – сказала дама, – ибо вы содеяли великую низость, убив женщину, и это ляжет на вас страшным позором. Но не короля ли Артура вы рыцарь?

– Да, – отвечал сэр Гавейн.

– А как ваше имя? – спросила дама. – Ибо вы должны назвать себя, прежде чем сможете уехать отсюда.

– Прекрасная дама, имя мое – сэр Гавейн, сын Лота, короля Оркнейского, а моя мать – сестра королю Артуру.

– Тогда, значит, вы – племянник короля, – сказала дама. – Ну вот что, – сказала она, – я заступлюсь за вас, и ради Артура вас отпустят к нему.

Она ушла и поведала четверем рыцарям о том, что их пленник – племянник короля Артура, имя же ему – сэр Гавейн, сын короля Лота Оркнейского. Тогда они его освободили и дали ему с